

ticipation in solving the peasant question]. Moscow, Typography of Lissner and Geshel, 1901, vol. 1, book 1, annex. no. 3, pp. 67–93.

32. Cherkassky V. A. O polozhenii krestyanskogo dela [About the situation in peasant deal]. *Trubetskaya O. Knyaz V. A. Cherkasskiy i ego uchastie v reshenii krestyanskogo voprosa* [Trubetskaya O. Prince V.A. Cherkassky and his participation in solving the peasant question]. Moscow, Typography of Lissner and Geshel, 1904, vol. 1, book 2, annex. no. 8, pp. 36–49.

33. Shirinyants A.A. "Prosveshchennaya byurokратиya" v epokhu krestyanskoy reformy 1861 g.: Ya. I. Rostovtsev, S. S. Lanskoу, M. N. Muravyev ["Enlightened bureaucracy" in the era of peasant reform in 1861: Yu. I. Rostovtsev, S. S. Lanskoу, M. N. Muravyov]. *Russkaya politologiya* [Russian political science], 2018, no. 1 (6), pp. 14–25.

34. Shirinyants A. A. Khranitelstvo kak osnovaniye konservativnoy politicheskoy kultury intelligentsii (opyt poreformennoy Rossii): kontseptsiya russkoy monarkhii [Keeping as the basis of the conservative political culture of the intelligentsia (the experience of post-reform Russia): the concept of the Russian monarchy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12 "Politicheskiye nauki"* [Bulletin of Moscow University. Series 12 "Political Science"]. 2006, no. 4, pp. 69–87.

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ БУДДИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА – НОСИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ И ДУХОВНОСТИ

Максимов Константин Николаевич, доктор исторических наук, профессор
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: tsagadam@mail.ru

Рассматривается антирелигиозная политика советского государства против буддийского духовенства. Советская власть, разрушив, передав государству церковные и монастырские учреждения, имущество всех конфессий, подвергла репрессиям священнослужителей. При этом юридические основания в большинстве случаев вообще отсутствовали. Главным критерием для обвинения служило социальное положение – священнослужитель. Репрессии против буддийского духовенства в Калмыкии, Бурятии проводились довольно разветвлённой системой организаций ОГПУ, НКВД и внесудебными органами под руководством парткомов. В 1930-е гг. в этих республиках во внесудебном порядке было приговорено значительное количество буддийских священнослужителей к различным мерам наказания, вплоть до высшей меры. К 1938 г. в Калмыкии были закрыты все церковные, хурульные храмы, основная часть священнослужителей буддийского духовенства во избежание преследования вынуждена была оставить службу, большинство из них подверглось репрессиям судебными и внесудебными органами. Репрессиям подверглось духовенство и соседних государств, где население исповедовало буддизм. В Монгольской и Тувинской народных республиках, по примеру СССР, в результате борьбы с религией и религиозностью населения к концу 1930-х гг. фактически были ликвидированы монастырские учреждения и репрессированы духовные лица.

Ключевые слова: Советское государство, ЦК ВКП(б), антирелигиозная борьба, репрессивная политика, буддийское духовенство, священники, хурул, Калмыкия, Бурятия, Монгольская Народная Республика, Тувинская Народная Республика

REPRESSION AGAINST BUDDHIST CLERGY – REPRESENTATIVES OF NATIONAL IDEOLOGY AND SPIRITUALITY

Maksimov Konstantin N., D.Sc. (History), Professor
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
11 Pushkina St., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
E-mail: tsagadam@mail.ru

The article deals with the anti-religious policy of the Soviet state against the Buddhist clergy. Having destroyed churches and monasteries, turning over the possessions of all faiths to the state, the Soviet government subjected priests to repression. In most cases, there were no legal grounds for that at all. The main criterion for the prosecution was the social status of being the priest. Repressions against Buddhist clergy in Kalmykia and Buryatia were carried out by a rather extensive system of organizations of the OGPU, NKVD and extrajudicial bodies under the leadership of the party committees. In the 1930s, in these republics, significant number of

Buddhist priests was sentenced to various punishments, up to the death penalty illegally. By 1938 in Kalmykia, all Churches and Buddhist temples had been closed, many Buddhist clergymen had to leave the service in order to avoid persecution, most of them were subjected to repression by judicial and extrajudicial bodies. In neighboring states where the population professed Buddhism the clergy was subjected to repression as well. In the Mongolian and Tuva people's republics, like in the USSR, by the end of the 1930s, as the result of the struggle against religion of the population monasteries had been actually liquidated and spiritual people had been repressed.

Keywords: Soviet state, CPSU(b), anti-religious struggle, repressive policy, Buddhist clergy, priests, Buddhist temple, Kalmykia, Buryatia, Mongolian People's Republic, Tuva People's Republic

Большевики, выйдя на политическую арену и ставя цель низвержения царского самодержавия и замену его демократической республикой, в первой же программе, принятой в 1903 г. на II съезде РСДРП, предлагали «отделить церковь от государства и школы от церкви». В ней же они заявляли о том, что конституционно будет обеспечена неограниченная свобода совести [7, с. 63]. Однако уже на Поронинском совещании ЦК РСДРП 1913 г. большевики священнослужителей отнесли к политическим противникам и объявили вести борьбу «равно с проповедью и стремлениями помещиков, попов...» [7, с. 388].

Партия большевиков, осуществив в октябре 1917 г. переворот и захватив власть, первым же «Декретом о земле», лишив церковные, монастырские учреждения собственности на землю со всеми живым и мертвым инвентарём, усадьбами постройками, заложила законодательную базу для подрыва их экономической основы. Это положение получило конкретизацию в «Декрете о свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятом СНК РСФСР 20 января (2 февраля) 1918 г. В нём правительство определило, что «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужбных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ» [14, с. 394–395]. Этот декрет фактически явился актом конституционного значения, определившим политику новой власти по отношению к религии. По нему религиозные учреждения и общества всех конфессий по своему статусу были приравнены частным обществам и союзам, лишённым всякой поддержки государства. Законодатель запретил преподавание религиозных вероучений во всех государственных и иных общеобразовательных учебных заведениях [14, с. 193–194].

Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом советов, утвердив религиозную политику государства, гарантировала гражданам России свободу совести, религиозной и антирелигиозной пропаганды (гл. 5, ст. 13). В то же время она (гл. 13, ст. 64, п. г), лишив священнослужителей активного и пассивного избирательного права, заложила правовую базу для проведения дискриминационной политики по отношению к ним.

По мере упрочения советской власти Российская коммунистическая партия (большевики) (РКП(б)) берёт курс на ужесточение политики в области религиозных отношений. В программе РКП(б), принятой в марте 1919 г. VIII съездом РКП(б), была выражена суть новой политики по отношению к религии. В ней компартия недвусмысленно определила свою позицию: «по отношению к религии РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви... Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду» [8, с. 49].

Основными носителями буддийского вероучения в РСФСР в этот период являлись калмыки, принявшие официально эту религию в 1640 г., и буряты (официально – в 1853 г.). Накануне Октябрьской революции 1917 г. в Калмыкии действовало 92 малых и больших хурула, в которых служили 2090 духовных лиц, в Бурятии – 44 дацанов и 11276 священников [5, с. 17–67].

Священнослужители Калмыкии, придерживаясь нейтралитета, в большинстве своём встретили настороженно новую власть и её политику по отношению к религии. Шаджин-лама, глава калмыцкого духовенства Чимид Балданов, всё же поняв, что новая власть «является разрушительной силой буддийской веры», поддержал в годы гражданской войны белое движение. В результате многие духовные лица калмыцкого народа оказались втянутыми в соци-

альные противоречия. Особенно остро это проявилось среди священнослужителей и верующих калмыков на Дону.

С окончанием гражданской войны, ставшим поворотной вехой в истории России, Советское государство приступило к целенаправленному и организованному претворению антирелигиозной политики. В 1922 г. для этой цели при ЦК РКП(б) создаётся специальная Комиссия во главе с Е.М. Ярославским. В том же году было организовано общество безбожников и начато издание газеты «Безбожник». По инициативе Ф.Э. Дзержинского антирелигиозную борьбу возглавили органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ. Он писал, что «коммунизм и религия взаимно исключаются... Религию разрушить не сможет никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК» [16, с. 34].

Политбюро ЦК РКП(б), используя церковное обновленческое движение, инициировало в 1922 г. раскол среди духовенства и в церковном управлении всех конфессий. В этом отношении особые усилия приложил Л.Д. Троцкий. 15 марта 1922 г. он писал членам Политбюро ЦК РКП(б): «Сейчас мы, разумеется, полностью и целиком заинтересованы в том, чтобы поддержать сменовеховскую церковную группу против монархической, ни на йоту, разумеется, не отступая от нашего государственного принципа об отделении церкви от государства, а тем более, от нашего философско-материалистического отношения к религии... не выдвигать его, однако, в ближайшее время, то есть в оценке нынешней борьбы, на первый план, дабы не толкать обе стороны к сближению, а наоборот, дать возможность борьбе развернуться в самой яркой и решительной форме, которая разрыхлит почву для семян атеизма и материализма». Все это должно привести к свершению «глубочайшей духовной революции в русском народе» [3, с. 196–197].

В Калмыкии новое обновленческое движение официально оформилось в 1920 г. в связи с избранием главой калмыцкого духовенства Гавву Сеперова, представителя обновленческого движения. По словам секретаря Калмобкома партии И.Р. Степанова-Марбуша, избрали «представителя демократически настроенного духовенства», которое «стремится уничтожить индивидуальную собственность среди духовенства и водворить в монастырях-хурулах коммунистическое общежитие» [13, ф. р-3, оп. 2, д. 509, л. 17–18]. Цель раскола среди буддийского духовенства и верующих, которую преследовала Калмыцкая партийная организация, была достигнута.

Очередная цель, исходившая из установки циркулярного письма В.М. Молотова (1922 г.), заключалась в разрушении религиозного мировоззрения и ликвидации духовенства. В связи с этим Калмыцкий обком РКП(б) определял свою задачу: «Сперва сокрушим попа, гелюнга, потом уж возьмемся за Бога». Для этого следует «подорвать авторитет священнослужителей, изолировать их, закрыть хурулы, церкви, а затем штурмовать самого Бога» [1, с. 33–34; 2, с. 24].

Следует отметить некоторую «лояльность» к священнослужителям буддийской веры, проявленную в начале 1920-х гг. советской властью. Это объяснялось временным тактическим маневром новой власти в связи с её восточной политикой. Большевики, целью которых было разжигание мировой революции, решили взять направление на страны буддийского мира – Тибет, Индию. С этой целью Наркомат иностранных дел РСФСР, активно используя буддийского священника высокого ранга, посланца Далай-ламы XIII А. Доржиева, в 1920-х гг. направлял несколько экспедиций в Тибет из представителей Калмыкии и Монголии.

Однако восточная политика абсолютно не повлияла на антирелигиозную борьбу в Калмыкии. Местные партийные и советские органы, руководствуясь декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «О порядке принятия церковных ценностей, находящихся в пользовании верующих», приступили в первую очередь к мерам подрыва экономической основы церковных и хурульных учреждений. В соответствии с указанием В.И. Ленина, изъятие ценностей производилось «с беспощадной решительностью, ни перед чем не останавливаясь» [3, с. 191–193].

В соответствии с этой директивой и инструкцией ВЦИК и Наркомата юстиции РСФСР на местах, в том числе и в Калмыкии, работа по изъятию церковных ценностей фактически была завершена к середине 1922 г. Калмыцкие хурулы, не отличавшиеся богатством убранства, оказались вообще ограбленными и оголёнными. Одновременно священнослужители и хурулы были обложены различными видами налогов. По постановлению бюро Калмобкома партии полное взыскание с них налогов возлагалось на областной финансовый отдел и прокуратуру с применением жёстких репрессивных мер, вплоть до привлечения к уголовной ответственности [13, ф. п-1, оп. 2, д. 3, л. 18–183].

Духовенство всех конфессий, наряду с экономическими репрессиями, подверглось и политической дискриминации, ограничению в гражданских правах, моральному подавлению. В соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г., действующие и бывшие священнослужители всех рангов, в том числе и ученики-манджики, были лишены избирательного права и участия в избирательном процессе. В числе лишенцев избирательного права в 1920-х гг. в Калмыкии они составляли более шестидесяти процентов [13, ф. р-3, оп. 2, д. 21, л. 199; д. 42, л. 168, 175; д. 550, л. 96–138; оп. 10, д. 130, л. 19].

Несмотря на проводимую советской властью целенаправленную антирелигиозную политику, обновленцы пытались примириться с властью ради сохранения религии. Выступая в 1923 г. на первом съезде буддийского духовенства, А. Доржиев и Ш. Тепкин, бывший личный секретарь Далай-ламы XIII в годы учёбы в Лхасе (1911–1922), пытались убедить своих единомышленников: «Наша теперешняя тактика – спокойно жить с новой властью. Не трогать новую власть. Вести настойчивую работу с нашим активом. Главное, убеждать людей, что хурулы могут жить на приношения верующих... Настало совершенно новое время, и мы должны действовать по-новому...» [9, с. 173].

Обновленцы этой тактики придерживались вплоть до 1928 г., т.е. до наступления качественно нового этапа в антирелигиозной борьбе в СССР. Это подтверждается решением VI съезда буддистов и верующих мирян, состоявшегося в июле 1928 г., выразить благодарность государственной власти СССР за «объективное отношение к буддийской религии, предоставление политической свободы» [13, ф. п-1, оп. 1, д. 301, л. 26–47].

Однако попытки обновленцев в какой-то степени повлиять на антирелигиозную политику не возымели воздействия на властей. Наступление следующего этапа в борьбе с религией ясно обозначилось в решении бюро Калмыцкого обкома РКП(б) от 4 февраля 1928 г., где говорилось: «В связи с усложняющимися задачами антирелигиозной работы пересмотреть и сформировать новую антирелигиозную комиссию во главе с ответственным секретарём обкома партии Х.М. Джальковым» и повести политическую борьбу с религией, духовенством, связав их «с противниками, врагами советской власти» [13, ф. п-1, оп. 1, д. 264, л. 35, 44].

Активное наступление на религию началось с принятием секретного циркуляра ЦК ВКП(б) в 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы», лишением конституционного права религиозных организаций пропаганды. Формирование правовой базы антирелигиозной политики поручалось новой при Президиуме ЦИК СССР Комиссии по вопросам культов [15, ст. 495; 17; 18, с. 392]. В Калмыкии обком партии принимает решение о запрещении проведения обрядов священнослужителями, изъятии зданий хурулов независимо от принадлежности какому-либо течению. Антирелигиозная комиссия Калмобкома партии приняла комплекс мер, «сдерживающий растущую активность религиозного лагеря, духовенства, перекрасившего внешний вид религии и пытающегося свои религиозные идеи одеть в защитный цвет революционности» [13, ф. п-1, оп. 1, д. 291, л. 93; д. 301, л. 68, 71–72].

Антирелигиозная комиссия обкома партии в 1929 г. развернула кампанию по закрытию хурулов, репрессированию священнослужителей. Уже к концу 1929 г. были закрыты 49 хурулов, осуждены к разным срокам тюремного заключения более 20 буддийских духовных лиц. Закрыв хурулы, сельские советы конфисковали всё имущество, скот, а здания передали под различные учреждения, склады, а некоторые разрушали и разбирали на стройматериалы [13, ф. п-1, оп. 1, д. 381, л. 70; ф. р-3, оп. 2, д. 1302, л. 104–119; д. 1324, л. 24].

Всё происходившее в Калмыкии было лишь фрагментом, частью общей картины в стране. Е.М. Ярославский в 1929 г. писал: «Крестьяне села Денисова, Хопёрского округа, сожгли 8 возов икон. В селе Сергиевском, Коломенского района, крестьяне сожгли 4 тысячи икон. Это хорошо, когда имеется массовое движение за сжигание икон. В абсолютном большинстве это действительно движение самих масс, и это движение мы не можем не поддерживать. Но мне известны отдельные, правда, случаи, когда “ударные бригады” обходят крестьянские дома и отбирают иконы... Сдают подсвечники, много драгоценных вещей. Такое движение надо поддерживать» [19, с. 131, 132].

В начале 1930-х гг. с форсированием коллективизации партийные органы, рассматривая священнослужителей как потенциальных противников колхозного строительства, обратили особое внимание на проведение антирелигиозной кампании, антиклерикализацию деревни, активизацию общественных антирелигиозных организаций. В Союзе воинствующих безбожников заметно увеличилось число членов (если в 1926 г. в стране их насчитывалось 87 тыс.,

то к 1930 г. – свыше 3,5 млн), а также возрос тираж антирелигиозной литературы – с 700 тыс. печатных листов-оттисков в 1927 г. до 50 млн в 1930 г. [18, с. 343].

Советское государство, не ограничиваясь указанными мерами в борьбе с религией, приняло в феврале 1930 г. закон «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» и активно повело курс на физическую ликвидацию духовенства. Органы НКВД и ОГПУ Калмыкии, обвинив священнослужителей в контрреволюции, вредительстве колхозному строительству, в 1930–1932 гг. арестовали и заключили в лагерь 109 чел., а глава буддийского духовенства Калмыкии Ш. Тепкин и его заместитель Г. Огджаев были приговорены к расстрелу (заменяли концлагерем сроком на 10 лет). Тем самым буддийское духовенство Калмыкии было полностью обезглавлено. В последующие годы карательные органы начали методично арестовывать и отправлять в лагерные заключения всех категорий служителей хурулов. При этом, даже не соблюдая юридических формальностей, продолжали закрывать храмовые сооружения, богословские учебные заведения, заставляли служителей хурулов добровольно снимать духовные саны, изымать хурульное, церковное имущество [13, ф. п-1, оп. 3, д. 288, л. 10; оп. 2, д. 105, л. 133, 156–159].

Изъятые хурульные особо ценные вещи, изделия из драгоценных металлов, антикварные предметы облфинотдел Калмоблисполкома в срочном порядке отправлял в хозяйственную часть ОГПУ НКВД СССР. По всей стране отобранные церковные ценности (как и при раскулачивании) без учёта стекались в НКВД СССР, создавая «благоприятные» возможности для их расхищения. Об этом свидетельствовали найденные при обыске в 1938 г. на квартире и даче арестованного бывшего наркома НКВД СССР Г.Г. Ягоды вещи. Расхищение изъятых церковных, хурульных ценностей, вещей получило широкое распространение и на местах, в том числе и в Калмыкии. Руководители парткомов, исполкомов, отделений НКВД, уполномоченные ОГПУ, сельских советов, судов Приволжского, Приморского, Сарпинского, Центрального улусов присвоили изделия из золота, серебра, ковры, отрезы сукна, одежду, обувь, мебель и др., изъятые в хурулах, у священников при аресте [4, с. 13–17; 10, с. 240–241].

Провозглашение Конституцией СССР 1936 г. «свободы отправления религиозных культов» (ст. 124) верующими и церковными служителями было воспринято как либерализация религиозной политики, предоставление свободы вероисповедания. Но эта статья оказалась формальной, как говорил один из персонажей романа-хроники Б. Можяева «Мужики и бабы»: «всеобщее равенство при полном бесправии» [11, с. 22].

В 1935–1937 гг. на завершающем этапе в антирелигиозную борьбу активно включились органы НКВД. Согласно приказу НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», одобренному 31 июля Политбюро ЦК ВКП(б), в контингент, подлежащий репрессии, были включены и действующие, и бывшие церковники независимо от места проживания, работы, места нахождения – на свободе или в тюрьме. Они подлежали осуждению внесудебными органами в упрощённом порядке и без соблюдения процессуальных норм к расстрелу (первая категория) или к заключению в исправительно-трудовые лагеря на срок от 8 до 10 лет (вторая категория) с привлечением к принудительным работам на стройках, предприятиях ГУЛАГа НКВД СССР [17, с. 84–93].

В соответствии с установленными НКВД СССР и утверждёнными ЦК ВКП(б) лимитами по репрессированию в стране (к расстрелу – 356105 чел., фактически расстреляно – 368798 чел.; осуждению – 397210 чел., фактически осуждено – 380599 чел.) в Калмыкии должны были расстрелять 175 чел., осудить 550 чел., а успели к началу 1938 г. расстрелять 172 чел. (из них 18 служителей религиозного культа) и осудить 404 чел., а в судебных, внесудебных органах республики в производстве по категории «контрреволюционное вредительство» находилось ещё 1455 дел [13, ф. п-1, оп. 3, д. 6, л. 22, 23, 194].

Жестокие репрессии, согласно этому приказу НКВД СССР, подверглось и буддийское духовенство Бурят-Монгольской АССР. В шифрованной на имя И. Сталина и Н. Ежова телеграмме Л.З. Мехлиса от 25 октября 1938 г. из Иркутска сообщалось, что «Бурят-Монгольский обком ВКП(б) и НКВД республики израсходовали лимиты по приказу № 00447, а в тюрьмах находится свыше 2000 арестованных кулаков, лам и белогвардейцев. Дела на всех давно оформлены, тюрьмы переполнены до отказа, но тройка не получила разрешение на их рассмотрение. Просят дать лимит на 2500 человек, о чём и докладываю» [17, с. 110].

Развязанный террор в СССР против духовенства был перенесён и в Монгольскую Народную Республику. Буддийское духовенство Монголии пострадало в равной степени, как и в Советском Союзе. В отличие от СССР в МНР борьба с духовенством маскировалась геополитическими соображениями укрепления безопасности в связи «с японской угрозой». По примеру СССР в МНР наступление на ламство началось с экономического и политического давления. В связи с увеличением военного бюджета в 1936 г. руководство Монголии, по рекомендации Сталина, решило ввести чрезвычайный налог на духовенство высшего и среднего звена. В 1935–1936 гг. органы Государственной внутренней охраны МНР провели крупномасштабную операцию по разоблачению и ликвидации так называемой контрреволюционной организации 20 монастырей. В результате этой операции были репрессированы свыше ста священнослужителей, которые якобы ставили цель поднять мятеж в стране и с помощью Японии и под её протекторатом восстановить старые порядки.

Репрессии в МНР во многом копировали «большой террор» в СССР. В 1937 г. власти МНР перешли от ущемления лам в гражданских правах к насильственному переводу их в светское состояние либо физическому уничтожению. В январе 1937 г. органы МВД (образовано в 1936 г. вместо Госвнутренней охраны) МНР провели ряд громких операций по аресту руководителей Югоцарского монастыря, «контрреволюционных» ламаистских организаций Ензон-Хамбо и Дэд-Хамбо и др. Если в 1921 г. в Монголии действовало более 700 монастырей, к 1937 г. их осталось 640 и в них служили 85018 духовных лиц. Только в 1937 г. закрыли 167 монастырей, сняли с себя духовный сан и перешли в светское состояние 16208 (19,1 %) лам, ушли из монастырей в сельскую местность 34869 (41 %) лам. Помимо них в 1937 г. было арестовано 3274 (3,85 %) ламы, из них приговорены к расстрелу 2258 (2,65 %) чел. В 1938–1939 гг. эта репрессивная кампания была продолжена с новой силой. В итоге к концу 1939 г. в МНР практически не осталось действующих монастырей. Ламство как сословие было фактически уничтожено [12, с. 45–46; 6, с. 299, 303–305].

Буддистов Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) в 1930-е гг. постигла почти такая же судьба. В результате гонений и преследования служителей религиозного культа в монастырях ТНР из 3500 лам и учеников всего осталось 781 лам [5, с. 54].

К этому времени и в Советском Союзе «успешно» завершилась антирелигиозная борьба против буддийского духовенства. Отчёты улусных исполкомов о наличии хурульных, церковных зданий в улусах, представленные в сентябре 1938 г. Верховному Совету Калмыцкой АССР, фактически явились итоговыми документами богоборческой деятельности органов партийной и государственной власти Калмыкии. К сентябрю 1938 г. в республике были ликвидированы действовавшие 62 хурула, 19 церквей, две мечети, прекратили деятельность все служители религиозного культа и религиозные общества всех конфессий.

Однако, несмотря на преследования, репрессии, принуждения отречься от Бога, народ в душе оставался верующим. Об этом подтвердила всесоюзная перепись населения 1937 г., материалы которой не случайно по указанию И. Сталина были засекречены.

Сохранив религию, религиозность, историческую память, калмыки не растеряли свою идеологию – важнейшего консолидирующего фактора этноса и его национальной самоидентификации. На современном этапе калмыцкая этнокультура и мировоззренческие идеалы этноса, базируясь на традициях буддийской цивилизации с её уникальными философскими доктринами и религиозно-этическими ценностями, развиваются с возрождаемым буддизмом во взаимодействии с культурами других народов России, приобретает новые черты и ценности.

Список литературы

1. Вестник агитации и пропаганды: Ежемесячный орган обкома РКП(б). – Астрахань, 1922. – № 4.
2. Вестник Калмыцкого обкома РКП(б). – Астрахань, 1924. – № 1–2 (19–20).
3. Известия ЦК КПСС. – Москва : ЦК КПСС, 1990. – № 4.
4. Ильинский М. М. Нарком Ягода / М. М. Ильинский. – Москва : Вече, 2002. – 480 с.
5. История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / под общ. ред. Н. Г. Очировой. – Элиста : Министерство образования и науки Республики Калмыкия, 2011. – 392 с.
6. История Монгольской Народной Республики. – Изд. 2-е. – Москва : АН СССР, 1954. – 422 с.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. – Изд. 8-е, доп. и испр. – Москва : Политиздат, 1970. – Т. 1. 1898–1917. – 534 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. – Изд. 8-е, доп. и испр. – Москва : Политиздат, 1970. – Т. 2. 1917–1924. – 543 с.

9. Кочетов, А. Н. Ламаизм / А. Н. Кочетов. – Москва : Наука, 1973. – 200 с.
10. Максимов, К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы / К. Н. Максимов. – Москва : Наука, 2004. – 311 с.
11. Можаяев, Б. Мужики и бабы / Б. Можаяев // Роман-газета. – 1989. – № 6 (1108).
12. Монгольская Народная республика. Справочник. – Москва : Наука, 1986. – 439 с.
13. Национальный архив Республики Калмыкия.
14. Первые декреты Советской власти. Сборник факсимильно воспроизведенных документов. – Москва : Книга, 1987. – 335 с.
15. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. Отдел 1. 1929 г. – Режим доступа: <https://naukaprava.ru/catalog/1/119/120/232/233/8650>, ограниченный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Стецковский, Ю. И. История советских репрессий. 1917–1995 гг. / Ю. И. Стецковский. – Москва : Гласность, 1997. – Т. 1. – 487 с.
17. Юнге, М. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. Со специальным разделом А. Степанова «Проведение “кулацкой” операции в Татарии» / М. Юнге, Р. Биннер. – Москва : АИРО-XX, 2003. – 352 с.
18. Ярославский, Е. М. Против религии и церкви / Е. М. Ярославский. – Москва : Государственное антирелигиозное издательство, 1932. – Т. 1. Октябрьская революция: Религия и церковь. – 423 с.
19. Ярославский, Е. М. Против религии и церкви / Е. М. Ярославский. – Москва : Государственное антирелигиозное издательство, 1935. – Т. 4. Борьба за преодоление религии. – 475 с.

References

1. *Vestnik agitatsii i propagandy: Ezhemesyachnyy organ obkoma RKP(b)* [Bulletin of agitpropaganda: Monthly regional Committee Body]. Astrakhan, 1922, № 4.
2. *Vestnik Kalmytskogo obkoma RKP(b)* [Bulletin of the Kalmyk regional committee of Russian Communist Party (Bolsheviks)]. Astrakhan, 1924, no. 1–2 (19–20).
3. *Izvestiya TsK KPSS* [Bulletin of the Central Committee of the Communist Party of the USSR]. Moscow, CPSU Central Committee Publ., 1990, no. 4.
4. Ilinskiy M. M. *Narkom Yaagoda* [People's Commissar Jagoda]. Moscow, Veche Publ., 2002, 480 p.
5. *Istoriya buddizma v SSSR i Rossiyskoy Federatsii v 1985–1999 gg.* [History of Buddhist religion in USSR and Russian Federation in 1985–1999]. Ed. by N. G. Ochirova. Elista, Ministry of Education and Science of Republic of Kalmykia Publ., 2011, 392 p.
6. *Istoriya Mongolskoy Narodnoy Respubliki* [History of Mongolian People's Republic]. Moscow, Academy of Science of the USSR Publ., 1954, 2nd ed., 422 p.
7. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezdov, konferentsiy i plenumov TsK. 1898–1970* [CPSU, decisions and decrees of congresses and Plenums of Central Committee. 1898–1970]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 1, 8th ed., 534 p.
8. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezdov, konferentsiy i plenumov TsK. 1898–1970* [CPSU, decisions and decrees of congresses and Plenums of Central Committee. 1898–1970]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 2, 8th ed., 543 p.
9. Kochetov A. N. *Lamaizm* [Lamaism]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 200 p.
10. Maksimov K. N. *Tragediya naroda: Repressii v Kalmykii. 1918–1940-e gody* [Tragedy of Nation: Repressions in Kalmykia. 1918–1940]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 311 p.
11. Mozhaev B. Muzhiki i baby [Men and Women]. *Roman-gazeta* [Novel journal], 1989, no. 6 (1108).
12. *Mongolskaya Narodnaya respublika. Spravochnik* [Mongolian People's Republic. Reference Book]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 439 p.
13. *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [National Archive of Republic of Kalmykia].
14. *Pervye dekretы Sovetskoy vlasti. Sbornik faksimilno vosproizvedennykh dokumentov* [First decrees of the Soviet Government. Collection of fax reproduced documents]. Moscow, Kniga Publ., 1987, 335 p.
15. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Raboche-krestyanskogo pravitelstva RSFSR. Otdel 1* [Code of justice and instructions of the Worker's and Peasant's government of the RSFSR. Department 1]. Available at: <https://naukaprava.ru/catalog/1/119/120/232/233/8650>.
16. Steckovskiy Yu. I. *Istoriya sovetских repressiy. 1917–1995 gg.* [History of Soviet repressions]. Moscow, Glasnost Publ., 1997, vol. 1, 487 p.
17. Yunge M., Binner R. *Kak Terror stal “Bolshim”. Sekretnyy prikaz No. 00447 i tekhnologiya ego ispolneniya. So spetsialnym razdelom A. Stepanova “Provedenie “kulackoy” operatsii v Tatarii”* [How The Terror grew large. Classified order and technology of its execution. Includes the special section by Stepanov A. “Realisation of the ‘kulak’ action in Tataria”]. Moscow, AIRO-XX Publ., 2003, 352 p.
18. Yaroslavskiy E. M. *Protiv religii i tserkvi* [Against religion and church]. Moscow, State Antireligious Publ., 1932, vol. 1, 423 p.
19. Yaroslavskiy E. M. *Protiv religii i tserkvi* [Against religion and church]. Moscow, State Antireligious Publ., 1935, vol. 4, 475 p.